

РАЗДЕЛ II. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922; 316.37

Гаврилова Т.А.

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ АУТОМОРТАЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА

Аннотация. В статье представлено теоретическое обоснование проблемы связи отношения субъекта к своей неизбежной и непредсказуемой конечности (аутомортальности) и осмысленностью им своей жизни. Показано, что в психологии данная проблема недостаточно изучена как в теоретическом, так и в эмпирическом аспектах. Проблема аутомортальности рассмотрена в контексте когнитивного функционала субъекта, показана значимость этой проблемы для субъектности человека. Предложен новый метод изучения смысло-жизненных ценностей субъекта через косвенное соотнесение своих жизненных ценностей с перспективой «послежизни». Приведены эмпирические данные о чувствительности данного метода к изучению содержательных аспектов смысла жизни. Показано, что когнитивные ценности в наибольшей степени способствуют осмыслению жизни у молодых людей (14–22 года).

Ключевые слова: субъект, когнитивный функционал субъекта, аутомортальность, смысл жизни, смысло-жизненные ориентации, экзистенциальная психология.

T. Gavrilova

Far Eastern Federal University, Vladivostok

SENSE OF LIFE IN THE CONTEXT OF A SUBJECT'S AUTOMORTALITY

Abstract. The paper presents a theoretical basis of the problem of interrelation between a subject's attitude to his inevitable and unpredictable end (automortality) and his ability to make his life conscious. It is shown that in psychology this problem is not studied enough, both in its theoretical and empirical aspects. The problem of automortality is considered in the context of a subject's cognitive functional, the importance of this problem for human subjectivity is shown. A new method for the study of meaning-life values of a subject is proposed. Empirical data on the sensitivity of this method to the study of content aspects of the meaning of life. It is shown that cognitive values contribute mostly to young people's (14-22 years) understanding of life.

Key words: subject, cognitive functional of a subject, automortality, the meaning of life, the meaning of life-orientation, existential psychology.

© Гаврилова Т.А., 2014.

Субъектный подход к психологическому исследованию продолжает оставаться у нас одним из наиболее перспективных и позволяющих объединить в себе естественнонаучную и гуманитарную парадигмы исследования человека. Субъект как метасистема представляет психику в единстве ее организации, позволяет изучать человека целостно, а его внешнюю активность – как опосредованную внутренним миром. Изначально возникшее в философии познания понятие субъекта было творчески переработано С.Л. Рубинштейном и включено в психологическую науку как новый методологический принцип. Ученики С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинский и К.А. Абульханова-Славская, продолжили развивать идеи учителя в новую психологическую парадигму, которая на сегодняшний день имеет большое количество авторитетных приверженцев (Л.А. Анциферова, В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко, С.Д. Дерябо, В.Э. Чудновский, А.К. Осницкий, В.И. Слободчиков, Г.А.Цукерман, Е.И. Исаев, Т.П. Скрипкина и др.). Основной посылкой субъектной парадигмы является признание активно-преобразующего и системно-интегративного начала в человеческой психике. Эта идея, конечно, никогда не была чужда отечественной психологии – под разными ракурсами инициативно-творческие аспекты личности изучались в работах таких известных ученых, как А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, А.Г. Асмолов, В.А. Петровский. И как показала Л.А. Анциферова, эта же идея занимает ключевое место в ведущих зарубежных теориях личности (А. Адлера, А. Маслоу, К. Роджерса, К. Юнга, К. Хорни и др.) [1, с. 29–30].

Одним из малоизученных аспектов психологии субъекта остается его знание о своем конечном статусе (*аутомортальности*¹) и те психологические эффекты, которые этим знанием обуславливаются. Человек смертен, как и все живое, но в отличие от всего живого он знает об этом и это неизбежно включается в проекты и планы человека, в его отношения с другими людьми и к самому себе. На наш взгляд, без детального изучения этого аспекта вряд ли возможно целостное понимание человека и как субъекта, и как личности. Одной из проблем в этом тематическом поле выступает проблема связи аутомортальности и осмысленности жизни.

Ж.П. Сартр, уделявший этой проблеме особое внимание, вывел известную формулу: «Если мы должны умереть, то наша жизнь не имеет смысла, ибо ее проблемы остаются нерешенными и остается неопределенным само значение проблем... Все сущее рождено без причины, продолжается в слабости и умирает случайно... Абсурдно, что мы родились, абсурдно, что умрем» [13, с. 543–544].

Другие же экзистенциалисты, наоборот, были склонны усматривать в аутомортальности стимул к осмысленной жизни. Например, как известно, М. Хайдеггер связал смысл и смерть через ужас-тревогу, через который она открывается человеку. Эта ужас-тревога, обнажая смысл человеческого существования как конечного, как «бытия-к-смерти», выделяет *Dasein* из безопасной анонимности повседневного пребывания среди «людей» и толкает его к свободе выбора, к *соб-*

¹ Аутомортальность – от лат. *auto* – «сам» и греч. *morte* – «смерть».

ственному способу существования. «Ужас обнажает в присутствии бытие к наиболее своей способности быть, т. е. освобожденность для свободы избрания и выбора себя самого» – пишет он [14, с.188].

В психологии также имеются работы, которые связывают смысл жизни с осознанием аутомортальности. Наиболее известными среди них выступают работы американского психотерапевта экзистенциального направления И. Ялома. В своих работах он, с одной стороны, показывает, что осознание аутомортальности *может* стимулировать личностный рост и связанную с ним осмысленность жизни. При этом, он подчеркивает, что «хотя смерть и добавляет еще одно измерение к смыслу, смысл и смерть отнюдь не слиты в одно целое» [18, с. 522]. Он стремится доказать, что потребность в смысле жизни была бы и у бессмертного существа, ибо у человека все равно бы оставалась безвозвратно преходящее прошлое. Иначе говоря, осознание смертности – это не единственный фактор, лежащий в основе стремления к осмысленности жизни и не всегда способствующий обретению этого смысла. И с этим трудно не согласиться, ведь легко заметить, что любое переживание конечности чего бы то ни было, может стимулировать поиски смысла. Например, осознание конечности любви после бракоразводного процесса может поставить перед человеком вопрос о жизненном смысле этого чувства и его ценности.

С другой стороны, Ялом последовательно проводит мысль о том, что осмысленность жизни снижает у человека страх смерти и обосновывает ее своими наблюдениями и анализом

случаев из своей практики. Он считает эту особенность смысла жизни наиболее важной опорой в работе психотерапевта со страхом смерти [18, с. 234]. При этом в ощущении бессмысленности жизни он находит присутствие тревоги смерти, наравне с другими экзистенциальными тревогами – тревогами свободы и изоляции [18, с. 522]. В этом отношении Ялом заходит к обсуждению проблемы соотношения смысла и жизни и осознания аутомортальности с другой по сравнению с философскими дискуссиями стороны: со стороны влияния смысла на тревогу смерти.

В отечественной психологии эта проблема изучается, на наш взгляд, еще очень фрагментарно и не систематически. В теоретическом плане она обозначилась в работе «Человек и мир» С.Л. Рубинштейна, который обратил внимание на «дидактическое» влияние факта смертности на человеческую жизнь. Так, он писал, что смерть превращает жизнь из процесса в срочное обязательство и тем самым задает ответственное отношение в жизни [12, с. 369]. Эту мысль продолжает в своих работах и В.Э.Чудновский, который убежден, что необходимо обращать внимание школьника на конечность человеческой жизни для того, чтобы он адекватно осознал «жизненное пространство» своей личности [15, с. 442–443]. Вместе с тем более или менее законченной концепции в этом направлении мысли мы пока еще не имеем.

Отдельные работы эмпирического характера, изучающие проблемы отношения человека к жизни и смерти, также не позволяют составить заключения о наличии и характере связи между

смыслом жизни и жизненными ценностями, с одной стороны, и отношением человека к перспективе собственной смерти – с другой. В качестве исключения можно назвать только работу А.П. Попогребского [11]. Он сравнил смысложизненные ориентации пациентов с не угрожающими жизни заболеваниями и с перенесшими инфаркт миокарда и получил данные о более высоких показателях целей в жизни в будущем у перенесших инфаркт пациентов. В других изученных нами работах смысложизненные ориентации и связанные со смертью переживания личности рассматриваются скорее во взаимодействующем ракурсе, нежели в аспекте взаимовлияний [2, 6, 16].

Таким образом, есть основания для постановки проблемы связи осознания субъектом своей неизбежной и непредсказуемой аутомортальности и осмысления им своей жизни.

На наш взгляд, аутомортальность затрагивает субъектность человека во всех ее функциональных аспектах. Причем не только «там и потом», но и «здесь и сейчас», не только перспективно, но и актуально. Осмысленность жизни предстает одним из таких аспектов (для рассмотрения всех аспектов см. [3]).

Аутомортальность в силу своей эмпирической непознаваемости, непредсказуемости и неизбежности очерчивает границы возможностей субъекта для понимания и самопонимания, бросает вызов когнитивным амбициям субъекта. Человек не просто не может эмпирически понять смерть, он не может понять – почему он смертен и ради чего ему нужно жить. Осмысление смерти связано со всей системой жизненных смыслов личности. Этот

момент специально оговаривается Дж.Келли, который включил оппозицию «Смерть – Я» (Death – Self) в ядерный личностный конструкт и назвал смерть парадигмальной угрозой всей системе личностных конструктов как «заточенных» на феномены жизни [19, p. 324].

Связь проблем смертности человека и смысла его жизни – вечный предмет размышлений многих философов, писателей, психотерапевтов и вообще людей в целом. Известный французский философ и танатолог В. Янкелевич пишет: «Смерть приводит нас к сомнению в смысле бытия и рано или поздно начинает нашептывать человеку на ухо: *А для чего?* Стареющий миллиардер в конце концов, в свою очередь, начинает слышать три слога этого тайного вопрошания в тот день, когда задает себе вопрос: для кого и зачем он собрал столько богатств, накопил столько ценных владений, накопил столько сокровищ?.. Даже если бы постижимые сущности и истины вечно бы переживали смерть, смерть отбрасывала бы все же тень сомнения на смысл жизни. То, что уничтожает бытие, тем самым компрометирует смысл» [18, с. 72].

Действительно, непостижимость смерти угрожает всей смысловой системе и когнитивному потенциалу субъекта, выстраивает смысловые барьеры в жизненном мире человека. Однако, эта угроза не фатальна, потенциально она задает новый вектор в смысложизненном поиске субъекта: обрести смысл жизни, который был бы не зависимым от аутомортальности, преодолел бы ее угрозу. И. Ялом пишет об этом так: «Когда Толстой сокрушался, что в его жизни нет смысла,

который не будет разрушен неминуемой смертью, он говорил не о том, что смерть разрушает смысл, а о том, что он не смог найти смысл, который разрушил бы смерть» [17, с. 521]. Конечно, создание таких смыслов очень не легкая и амбициозная задача, но надо иметь в виду и то, что смыслообретение вряд ли было бы легче в условиях человеческого бессмертия.

По меткому замечанию В.В. Знакова [4], самопониманию открываются скорее не истины о себе, а *тайны*, и это в наибольшей степени относится к самопониманию аутомортальности. Именно особой формой тайны предстает смертность и в размышлениях В. Янкелевича. Он называет ее приоткрытой или «кводдитой» тайной, вкладывая в этот эпитет невыразимую словами неопределенную определенность смерти [18, с. 134]. К тайне относит Янкелевич и смысл жизни, когда пишет о покрытый тайной мучительном парадоксе осмысленной бессмысленности жизни и делает очень тонкое заключение о том, что «видимо, жизнь не была бы жизнью без некоторой доли бессмысленности!» [18, с. 92].

Человек может определенно понять, что аутомортальность – это неоспоримый факт, но причины, а самое главное – Где, Как и Когда являются для него совершенно неопределенными. И более того, определенности в этих вопросах ему хочется меньше всего, так как эта неопределенность сроков позволяет человеку оставаться в субъектной позиции. «Человек бессилен перед необходимостью смерти вообще, которая однажды обязательно нагрянет – неважно, рано или поздно, но он всемогущ или почти всемогущ, когда вопрос встает о дате – пишет

Янкелевич, – «Мы свободны вести бесконечную борьбу с ограниченностью наших ресурсов, мы можем свободно противопоставлять наше неистощимое мужество истощению наших сил» [18, с.158–159].

Таким образом, аутомортальность представляет собой угрозу для самопонимания, благодаря которому, по иронии судьбы, она вообще становится очевидной для субъекта. Иными словами, мы имеем дело с неким логическим кругом: порождаемое самопониманием понимание угрозы этому самопониманию, а шире – всей смысловой системе человека (парадигмальная угроза, по Дж. Келли). Самопонимание приводит к невозможности самопонимания «...» Вообще же анализ проблемы самопонимания аутомортальности – это отдельная тема, развитие которой увело бы нас далеко в сторону от изучаемого предмета. Для нас важно выделить то, что самопонимание аутомортальности сопряжено с пониманием ее как актуальной и перспективной угрозы, прежде всего, для когнитивных функций субъекта. Актуально понимание аутомортальности угрожает субъекту утратой смысла жизни и смысловой дезориентацией, а перспективно, после смерти – утратой возможности знать о происходящем в мире, познавать и понимать что-либо вообще (когнитивной депривацией).

Конфронтация с осознанием собственной конечности, таким образом, влияет на меру субъектности человека: она либо повышается, либо понижается. Повышается – в случае, если человек начинает инициировать поиски или утверждение смыслов, которые не могут быть разрушены смертью. Понижается – в случае, если человек па-

сует в этой конфронтации и смиряется с ощущением бессмысленности своего существования. В связи с этим напращивается задача исследовать те ценностно-смысловые образования, которые усиливают субъектную позицию человека и позволяют ему конфронтировать с аутомортальностью.

Одной из актуальных проблем изучения ценностно-смысловых образований является проблема методическая. В методическом арсенале психологов (и социологов) циркулирует ограниченное количество техник, позволяющих выявлять личностные ценности и смыслы.

Наиболее надежным методом признается метод прямого ранжирования тех или иных ценностей, который был предложен в свое время М. Рокичем и адаптирован в нашей стране А. Гоштаутасом, А.А. Семеновым и В.А. Ядовым, а также – Д.А. Леонтьевым [8]. Недавно была адаптирована, построенная также на принципе прямого ранжирования, но более дифференцированная методика С. Шварца и В. Билски [10]. Метод прямого ранжирования предполагает испытуемым ознакомиться со списками тех или иных ценностей и проранжировать их по степени собственного предпочтения, ставя на первое место наиболее значимую для себя ценность, а на последнее – соответственно, – наименее значимую. Этот метод и в настоящее время используется отечественными разработчиками техник изучения ценностно-смысловой сферы человека [6]. Д.А. Леонтьев, оценивая данный метод как в целом самый удачный, отмечает в качестве его недостатка то, что в нем приходится манипулировать «закрытым» списком цен-

ностей, в чем велика доля случайных ответов, подсказанных списком и не выражающих собственных ценностей опрашиваемых [8]. Другим недостатком данной методики является то, что при помощи ее невозможно различить декларируемые и реально значимые смысло-жизненные образования. Расхождение между ними могут происходить по разным причинам. Во-первых, как отмечает Д.А. Леонтьев, опираясь на выводы М.Б. Куньявского, В.Б. Моина и И.М. Поповой, недостаточно устойчивая и плохо структурированная система личностных ценностей и/или недостаточно развитая рефлексия не позволяют человеку адекватно определить реальную роль и значимость тех или иных ценностей в его жизни. Во-вторых, значимость тех или иных ценностей может субъективно преувеличиваться или преуменьшаться под действием механизмов стабилизации самооценки и психологической защиты. В-третьих, причиной расхождений может выступать наличие в сознании любого человека самого разного рода ценностных представлений, одни из которых являются результатом не критичного усвоения социальных представлений, а другие – результатом индивидуальной рефлексии. Эти представления могут смешиваться и тем самым затруднять адекватное осознание собственных ценностей.

Учитывая эти трудности и выделенные выше проблемы, мы предположили, что значимость жизненных ценностей наиболее четко осознается субъектом в ситуации сопоставления их с перспективой смерти, а не в более абстрактной ситуации их ранжирования по субъективному предпочтению, как это, например, предлагается делать

в опроснике Рокича. Реализацией этого предположения стала разработка опросника «Идеалы послежизни», составленном на основании контент-анализа свободных высказываний респондентов разного пола, возраста и социального статуса людей о том, какая посмертная перспектива могла бы их примирить со смертью. В результате нами было выделено 9 наиболее часто выражаемых представлений. Они были названы «идеалами послежизни» и после ряда обобщений были сформулированы следующим образом:

1) после окончания жизни я смогу встретиться с теми, кто ушел раньше меня и дождаться тех, кто уйдет позже меня;

2) после окончания жизни я смогу наблюдать жизнь живущих, незримо присутствовать в их жизни;

3) смогу узнать новые миры, испытать новые ощущения, понять смысл устройства Вселенной;

4) смогу не бояться боли, голода, холода, и других страданий;

5) смогу получить то, чего был лишен в земной жизни: любви, славы, наслаждения и т. п.;

6) смогу приобрести сверхъестественные способности: проходить и видеть сквозь стены, летать и т. п.;

7) смогу стать совершенно свободным и независимым ;

8) смогу когда-нибудь воскреснуть для вечной жизни в своем теле;

9) смогу вернуться к жизни в другом воплощении (человеке, животном, растении и т. п.) ;

Даже при поверхностном взгляде на эти «идеалы» возникает мысль о том, что они, по-видимому, отражают ведущее содержание мотивационной сферы человека, которое фрустри-

руется перспективой прекращения жизни. В данном случае смерть может быть понята как фрустратор значимых мотиваций личности, как утрата наиболее важных для нее экзистенциальных ценностей. И предлагая людям сформулировать идеалы своего возможного существования после жизни, можно помочь им в более адекватном осознании своих ведущих жизненных ценностей и потребностей. Большая адекватность производимого в такой форме осознания обусловлена тем, что в данном случае задача носит скорее проективный характер. При решении этой задачи необходимо активизировать воображение и отвлечься от рационального мышления, что ослабляет действие различных психологических защит и не предъявляет таких высоких требований к уровню рефлексии опрашиваемого, как это происходит в случае прямого ранжирования ценностей.

Более того, с психологической точки зрения идеалы вообще могут быть представлены как устойчивые интегративные мотивационные образования личности, обладающие наивысшей степенью притягательности, содержащие в свернутой форме ведущие ценности и личностные смыслы человека и выполняющие предписывающую и преобразующую функции в организации его поведения.

Для изучения того, насколько данная методика отражает аспекты осмысленности жизни, нами было проведено два эмпирических исследования. Исследование 1 проводилось на выборке школьников 14–17 лет (N= 72, ср.возраст – 15,6 лет; 29 мальчиков и 43 девочки). Исследование 2 охватило студентов и военнослужащих 18–22 лет (N=99, ср.возраст – 19,5 лет, 61 юноша и

38 девушек). Всем испытуемым предъявлялись две методики: «Тест смысло-жизненных ориентаций – (СЖО)» Д.А.Леонтьева и авторский опросник «Идеалы послежизни – (ИПЖ)».

Тест СЖО включает 6 шкал: «общая осмысленность жизни», «цели в жизни», «процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни», «результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией», «локус контроля – Я (Я хозяин жизни)», «локус контроля – жизнь

или управляемость жизни». При этом осмысленность жизни характеризуется оценкой первых четырех шкал, а последние две отражают внутренний локус контроля личности. Работа с тестом предполагает оценку каждого из 20 утверждений по 7-балльной шкале.

Опросник ИПЖ предписывает респондентам проранжировать 9 приведенных выше перспектив «послежизни».

Результаты обоих исследований представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Корреляции показателей смысло-жизненных ориентаций и значимости идеалов «послежизни» (по Пирсону)

ИДЕАЛЫ «ПОСЛЕЖИЗНИ»	ПОКАЗАТЕЛИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ					
	Общая осмысленность жизни	Цели в жизни	Процесс жизни	Результативность жизни	Локус контроля - Я	Локус контроля - жизнь
Воссоединение с близкими						
Созерцание жизни живущих	0,32**		0,26*			0,30**
Познание нового и неизвестного	0,21*		0,24**			
Отсутствие страданий и боли						
Компенсация неудовлетворенных желаний	- 0,26** - 0,27**	- 0,24* - 0,25*	- 0,21*			- 0,31** -0,23*
Сверхъестественные способности					0,25*	
Свобода и независимость	- 0,27* -0,20*	- 0,32** - 0,26*	-0,24*			
Воскрешение						
Реинкарнация						

Примечание – приведены только значимые корреляции, при этом **обозначены $p \leq 0,01$, * - $\leq 0,05$. Курсивом обозначены данные исследования 2 (18–22 года)

Как видно из таблицы, наиболее всего связаны с осмысленностью жизни только два идеала «послежизни»: *созерцание жизни живущих* и *познание нового*. При этом первый из них оказался значимым для подросткового, а последний – для юношеского возраста. Несмотря на внешнее несовпадение этих идеалов, по содержанию они наиболее близки друг к другу по сравнению с остальными идеалами. Это близость проступает в том, что оба эти идеала отражают когнитивный функционал субъекта и его познавательно-информационные потребности. Иными словами, мы обнаружили, что у молодых людей наиболее осмысливают жизнь ценности когнитивного характера. Обратим внимание и на то, что ценности когнитивного характера способствуют, прежде всего, осмысленности настоящего момента (*процесс жизни*).

Из таблицы также видно, что выделяются такие идеалы «послежизни», которые связаны с низкой осмысленностью жизни. Это – *компенсация неудовлетворенных желаний* и *свобода-независимость*. Оба эти идеала оказались независимым от возраста респондентов и негативно коррелировали с осмысленностью будущего (*цели в жизни*). На наш взгляд, первый из этих идеалов можно интерпретировать как индикатор гедонистических ценностей, в то время как второй не нуждается в дополнительной интерпретации и отражает одну из терминальных ценностей субъекта – свободу и независимость. Так или иначе, но полученные данные позволяют предположить, что, с одной стороны, опора на гедонистические ценности и ценность свободы и независимости вряд ли могут служить

источником осмысленности жизни. С другой же стороны, возможно, что успех в поиске смысла жизни компенсаторно приводит к приверженности гедонистическим ценностям и ценностям анархического типа (свободы и независимости). Впрочем, все это также нуждается в дальнейшей проработке и постановке новых исследований.

В свете проблем поставленных в данной статье перспективным представляется не столько изучение психометрической обоснованности опросника ИПЖ, сколько изучение при помощи нее (равно, как и при помощи других методик) проблемы связи отношения субъекта к аутомортальности и различных аспектов осмысления им своей жизни.

В данной статье мы наметили общие контуры теоретического обоснования этой проблемы и представили возможность изучения ее при помощи нового методического приема.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42
2. Баканова А.А. Отношение к жизни и смерти в критических жизненных ситуациях: автореф.дисс....канд.психол. наук: 19.00.11. СПб, 2000. 19 с.
3. Гаврилова Т.А. Аутомортальная тревожность как субъектный феномен // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 99–107.
4. Знаков В.В. Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психологический журнал 2005. Т. 26. № 1. с.18–28.

5. Котляков В.Ю. Методика «Система жизненных смыслов» // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). Т. 1. С. 148–153.
6. Котляков В.Ю. Методика «Система жизненных смыслов» // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). Т. 1. С.148–153.
7. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени. // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С.13–25.
8. Леонтьев, Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992. 17 с.
9. Лихтарников А.Л. Ценностный опросник (ЦО) С. Шварца и духовное развитие личности: нормальное и патологическое [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.diagnostika.spb.ru/co_1_1.html](http://www.diagnostika.spb.ru/co_1_1.html) (дата обращения: 10.10.2008).
10. Попогребский А.П. Смысл жизни и отношение к смерти. Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 177–200.
11. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб: Питер, 2003. 512 с.
12. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000. С. 543–544.
13. Хайдеггер, М. Бытие и время. М.: Независимая фирма "Ad Marginem", 1997. 452 с.
14. Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни: Избранные труды. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. 768 с.
15. Шутова Л.В. Смыслжизненные и ценностные ориентации в отношении к жизни и смерти у лиц юношеского возраста: Дис. ... канд. психол. наук. Таганрог, 2005. 195 с.
16. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 576 с.
17. Янкелевич В. Смерть (пер. с франц.) / В. Янкелевич. М.: Изд-во Литературного института, 1999. 448 с.
18. Shackelford T.D. Assessing individual differences in Death threat: a brief theoretical and psychometric review of the threat index // OMEGA. 2002–2003. V. 46(4). P. 323-333.